

Заходите, садитесь. Цзин Жун заговорил и тут же равнодушно бросил взгляд на Нин Цина.

Вот, я сегодня поймал на горе голубя. Мо Линъюнь радостно вошел в комнату с супницей в руках, поставил её на стол и не удержался от бормотания: Как же хочется, чтобы Учитель тоже попробовал моё кулинарное искусство.

Вернешься в секту — и сколько угодно, ответил Нин Цин, закрывая дверь и садясь за стол. Он взял в руки пиалу с супом, но не спешил открывать крышку, словно согревая об неё ладони.

Цзин Жун ничего не ответил на это, а лишь легко сменил тему: Линъюнь, ты в последнее время забросил тренировки с мечом, смотри, как бы и вовсе не забыл технику владения им.

Просто выдалась суматошная поездка, ученик впредь будет усерднее тренироваться. Мо Линъюнь с чувством вины потер пальцем кончик носа, хотя в его словах не было лжи: в последнее время им приходилось спешить во весь опор и метаться повсюду, и пусть даже они передвигались в повозках и на лодках, всё равно жутко уставали!

Цзин Жун, будучи бумажной куклой с разделенной душой, не ведал усталости, но Мо Линъюнь в конце концов оставался всего лишь практиком на стадии Закалки Дыхания.

Куда вы направляетесь? спросил Нин Цин, отпив глоток супа и обнаружив, что Мо Линъюнь и впрямь прекрасно готовит.

К болоту Чанчуань, ответил Мо Линъюнь.

Пешком? Движения Нин Цина замерли.

Мгм! Мо Линъюнь послушно кивнул.

Если Дуань Чанкун был глуп, то Нин Цин еще мог с кривящейся душой хвалить его за чистейшее сердце в Пути, но перед лицом такой бесхитростной глупости Мо Линъюня Нин Цин даже не знал, что и сказать.

Если память его не подводила, болото Чанчуань находилось от Южных Земель на невероятном удалении. Если и впрямь идти туда исключительно пешком, им, пожалуй, не хватило бы и двадцати лет, чтобы добраться до места. И о чем только думал этот Дуань Чанкун, уроженец и ученик здешних мест?

Лучше воспользуйтесь моим артефактом-лодкой. Едва договорив, Нин Цин повернул голову и глухо закашлялся. Дождь за окном вовсе не собирался прекращаться, а волны пронзительной боли лишали его всякой охоты шутить.

Он протянул Мо Линъюню маленькую деревянную резную лодочку и вдобавок дал пару наставлений: До тех пор пока есть духовные камни, даже практик стадии Закалки Дыхания сможет управлять этим артефактом. К тому же это сэкономит время моего племянника.

Время уже позднее, я, пожалуй, пойду. Уход Нин Цина был поспешным ступал он чрезвычайно легко, но искушенный в слухе заклинатель всё же мог расслышать в его шагах шаткость и неуверенность.

Мо Линъюнь с деревянной лодочкой в руке растерянно смотрел на оставшийся на столе суп из голубя. Неужели... неужели в моем супе был яд?

Почему выражение лица мастера Нин Цина только что казалось таким мучительным?

Нет. Цзин Жун пресек праздные домыслы Мо Линъюня. Бумажная кукла с разделенной душой обладала мощью Пика Зарождающейся Души, но была лишена способности эту мощь применять. Находясь они в пределах секты, он еще смог бы передать Нин Цину немного духовной энергии, но здесь оказался совершенно бессилен.

Эх... протянул Мо Линъюнь. Учитель, мне сегодня, кажется, привиделся тот великий демон с Восточной горы. Весь в ранах, и вовсе не такой грозный, как все вокруг рассказывают.

Адепты Союза Десяти Тысяч Путей вовсе не пустобрехи. Цзин Жун тоже кое-что слышал о Траве Юэтань. Союз Десяти Тысяч Путей изначально выступал главным организатором, ведущим за собой прочих заклинателей, так что раннее развертывание засад силами Союза для уничтожения демонов Восточной горы было делом вполне обыденным.

Что представлял собой Союз Десяти Тысяч Путей? Это была сила, созданная союзом бесчисленных кланов и сект бессмертных. Они обладали не только реальной властью, но и огромным количеством элитных бойцов.

Секта Сюаньтянь также занимала свое место в Союзе Десяти Тысяч Путей, и одним из пяти постоянных старейшин был их собственный Истинный человек Чицин из секты Сюаньтянь.

До созревания Травы Юэтань оставалось полмесяца, и к тому сроку секта Сюаньтянь непременно должна была забрать себе львиную долю.

Цзин Жун не мог светиться на людях, а Нин Цин, разумеется, тоже не стал бы мозолить глаза Цинь Уцзяню и ученикам других сект. По воле Цзин Жуна он лишь взял с собой Мо Линъюня, чтобы взглянуть на Восточную гору, в то время как Дуань Чанкун отправился на поиски людей из Долины Царя Лекарств.

Восточная гора изобиловала буйной растительностью, и обитающих здесь животных было немало. Однако с тех пор, как полмесяца назад в горы одна за другой стали проникать группы

заклинателей, дикие звери и мелкие демоны словно превратились в пуганых птиц. Все они попрятались, и необъятная Восточная гора погрузилась в мертвую тишину.

Нин Цин, держа в одной руке флейту, шел впереди. Мо Линъюню оставалось лишь послушно следовать за ним, не опасаясь никаких угроз, а при встрече со знакомыми закливателями всегда можно было отделаться отговоркой, что он ведет племянника набраться опыта.

Ни Нин Цин, ни Цзин Жун не отличались разговорчивостью, так что язык не затыкался только у Мо Линъюня. Всю дорогу он то восхищался прекрасными пейзажами вокруг, то срывал дикие фрукты и нахваливал их приятный вкус.

Да, старейшина, а где растет Трава Юэтань? рассуждал про себя Мо Линъюнь. Он поднимался на Восточную гору не в первый раз: гора хоть и велика, но до сих пор ему не доводилось встретить и следа Травы Юэтань. Судя по тому, как трепетно к ней относятся закливатели, её наверняка давным-давно оградил защитным барьером?

Пока не знаю. Нин Цин применил талисман Союза Десяти Тысяч Путей, чтобы обойти горные ловушки и массивы, а заметив, что Мо Линъюнь зазевался, дернул его за рукав, спасая от падения в формацию, расставленную людьми из Союза.

Если место неизвестно, как же её собирать?

Когда Трава Юэтань созреет, мы сами все узнаем. Или же узнаем тогда, когда разберемся с великим демоном с Восточной горы. В конце его фразы прозвучала чужая, но такая знакомая холодность, которую Мо Линъюнь никак не мог ожидать от столь мягкого человека, каким был его дядя-наставник.

Разве это чудовище знает, где находится Трава Юэтань?

Оно охраняет Траву Юэтань.

Выбор слов Нин Цина слегка озадачил Мо Линъюня: охраняет, а не присвоило единолично?

За три дня до завершения созревания Травы Юэтань из Союза Десяти Тысяч Путей пришла весть: был пойман мелкий демон, незаконно проникший на Восточную гору.

Неужели находятся смельчаки, которые до сих пор осмеливаются соваться на Восточную гору? Дуань Чанкун, который только что успешно поторговался с Союзом Десяти Тысяч Путей и выбил для Академии Чанчуань немалую долю Травы Юэтань, был в прекрасном настроении. Сейчас он крутил в руке чашку, ожидая созревания лунной травы, чтобы приступить к сбору.

Кто знает, может, просто сбились с пути? Мо Линъюнь закинул в рот кусочек пирожного.

Большинство вещей не вызывало у Цзин Жун никакого интереса, и это дело не стало исключением. Сидя ближе к Нин Цюню и уже услышав от Дуань Чанкуна, что в день созревания Травы Юэтань они объединятся с людьми из Долины Царя Лекарств, он, не планируя показываться на глаза, просто бросил: В день созревания Травы Юэтань пусть твой дядя-наставник проводит тебя.

Хорошо.

А послание, переданное людьми Цинь Уцзяня, заронило в сердце Мо Линъюня предчувствие: возможно, им не придется ждать дня созревания, чтобы узнать, где зарождается Трава Юэтань.

Люди из Союза Десяти Тысяч Путей поймали того великого демона с Восточной горы.

Нин Цин привел Мо Линъюня к цели на мечях. Вокруг уже толпилось множество заклинателей, и Нин Цин предпочел зависнуть с Мо Линъюнем в воздухе. Поприветствовав людей из секты Сюаньтянь, они опустили взгляды на великого демона с Восточной горы, скованного магическими цепями.

Нити, источающие сияющий синий свет, обвивали истинный облик демона с Восточной горы. Этот истинный облик был огромен и свиреп — перед ним действительно предстал тот самый тигр, которого Мо Линъюнь видел полмесяца назад. Вот только теперь он выглядел куда более ослабшим и изувеченным, чем полмесяца назад, а в тихом тигрином рычании слышались отголоски непрекращающейся боли.

Окружающие заклинатели не переставая перешептывались.

Это и есть великий демон с Восточной горы?

И впрямь, старшие из Союза Десяти Тысяч Путей невероятно сильны: стоит им сделать ход, как они тут же усмирили демона, за которым мы гонялись целый месяц.

Шумная человеческая молва слегка затуманила голову Мо Линъюня. Вглядываясь в истинный облик тигра-демона, он вдруг заметил, что на его гниющем от ран брюхе примостилась маленькая желтая иволга.

Старейшина, почему там птица? Мо Линъюнь указал на пташку, отчасти потому, что она показалась ему смутно знакомой.

Наверное, та самая, которую поймал Союз Десяти Тысяч Путей. Нин Цин сохранял бесстрастное выражение лица, а легкая улыбка, что вечно блуждала на его губах, неизвестно когда исчезла.

О-о... протянул Мо Линъюнь, не зная, что еще сказать.

Хотя вокруг толпилось много людей, небо в самом центре оставалось свободным. Там парила лишь группа заклинателей в одинаковых одеждах, передвигавшихся на мечах — судя по всему, те самые адепты Союза Десяти Тысяч Путей, о которых столько говорили окружающие.

Цинь Уцзянь отер лезвие меча, бросил ученикам секты Сюаньтянь короткое напутствие не двигаться с места и взмыл в рассекающее воздух пространство к адептам Союза.

Зачем это они? недоумевал Мо Линъюнь.

Брат Уцзянь практикует технику меча, чистейшую и исполненную янской энергии в этом мире, она способна подавлять любую скверну и зло, дал краткое пояснение Нин Цин и добавил самое главное: Он — главный палач.

Заклинатели продолжали переговариваться каждый о своем. Никто не обращал внимания на задыхающихся внизу тигра и птицу, чьи тихие жалобные стоны тонули в общем шуме, казаясь до крайности жалкими и смехотворными.

До благословенного часа остался еще один кэ. Старейшина, возглавлявший отряд Союза Десяти Тысяч Путей, сделал Цинь Уцзяню знак рукой, и тот ответил легким поклоном, не вынимая меча из ножен.

Благословенный час? На сей раз Мо Линъюню не пришлось переспрашивать — Нин Цин ответил за него: Час казни демонов.

Тигр-демон, скованный магическим массивом, всё еще издавал скорбные вопли, а иволга заговорила человеческим голосом. Ее голос звучал жалобно, словно она плакала: Мой супруг уже давным-давно ел со мной лишь растительную пищу и никогда ни единого раза не причинил вреда людям...

Этот демон мастерски умеет морочить людям головы. Возглавлявший отряд старец из Союза Десяти Тысяч Путей взмахнул рукой, и в тот же миг печать заклинания заткнула птице рот.

Лицо же Мо Линъюня резко переменилось. Пока маленькая демоница не заговорила, он сомневался, но стоило ему услышать этот голос — разве это была не та самая пичужка, которую он спас ранее?

Нет же, как может такое пугливое создание причинить кому-то вред?

В суете мирской всё движется ради выгоды. Выражение лица Нин Цина не изменилось, словно он заранее предвидел, как поступят люди из Союза.

Н-нет, погодите, старейшина, Учитель учил меня, что демоны, не причинявшие вреда людям, не имеют к нам никакого отношения... Возможно, вид мучений двух несчастных созданий был слишком ужасен, и Мо Линъюнь, чей родной деревню когда-то стерли с лица земли демонические волки, тоже исполнился сострадания.

Но присутствующие здесь люди оставались глухи к чужой боли. Они были людьми, а те — демонами; родиться демоном уже само по себе было ошибкой.

Племянник. Взгляд Нин Цина обратился на него, и Мо Линъюнь невольно поддался притяжению этого взора, застыв в немом оцепенении.

В этом праведном и неправедном мире никто не может толком разобраться, кто же на самом деле самый подлый и ничтожный. В глазах Нин Цина на мгновение мелькнула насмешка, которую Мо Линъюнь не успел поймать. Он знал лишь одно: едва слова Нин Цина затихли, как под небесами раскатилось эхо тигриного рычания и птичьего крика.

Час пробил. Они начали действовать.

Мы с моим супругом мирно жили в глубине Восточной горы... и по сей день верим, что никогда никому не причинили зла... все эти напыщенные заклинатели... с какой стати вы довели нас до такого конца... Желтая иволга приняла человеческий облик, и рана от тяжелого меча на ее животе источала потоки крови, делая прочие увечья на теле почти незаметными.

Ее зрачки расфокусировались, из глаз текли кровавые слезы, а полные крови и слез предсмертные слова разносились над Восточной горой.

Я проклиная вас... проклиная... вас непременно постигнет небесная кара!

Из пасти тигра вырвался сдавленный рев. Это был последний раз в его жизни, когда он звал свою жену Няоня, но его Няоня больше никогда не услышит его зов.

Из лесной чащи донеслись скорбные голоса зверей и птиц, которые тут же умолкли под новым раскатом тигриного рычания.

В этой безмолвной тишине тысячи зверей провожали в последний путь великого демона, правившего Восточной горой тысячелетия. Их защитник исчез, и, возможно, совсем скоро бесчисленные люди ступят на Восточную гору, чтобы безжалостно вырубать леса и истреблять зверей, заставляя их начинать новый круг скитаний.